

СТАТЬЯ В. ЛАНГЛУА «ТУРЕЦКИЕ АРМЯНЕ И РЕЗНЯ В ТАВРЕ».

Виктор Ланглуа — один из виднейших французских арменистов XIX века, внесший своими ценными научными исследованиями огромный вклад в развитие европейского арменоведения. Вся деятельность Ланглуа была посвящена арменоведческим изысканиям в самых различных областях научного знания. Диапазон его творческих интересов был поистине обширен, охватывая нумизматику, древние хартии и грамоты, хронологию, источниковедение и манускрипты, эпиграфику, географию, историю древней и средневековой Армении, ее взаимоотношения с европейскими странами.

В поисках древних и средневековых памятников — красноречивых свидетелей славного прошлого армянского народа — и, стремясь пролить свет на минувшие эпохи, возродить для истории забытые в потемках прошлого доблестные деяния и имена, Ланглуа, этот неутомимый исследователь, избородил всю Киликию и Малую Армению, невзирая на множество подстерегавших его опасностей. Однако круг занятий ученого не замыкался на проблемах исторического прошлого Армении и представления миру бесценных памятников ее богатой культуры. Его волновала и современная социально-политическая жизнь армянского общества. Будучи ярым защитником угнетенных народов, Ланглуа живо откликался на все драматические события в судьбе многострадального армянского народа.

В 1863 году, по горячим следам кровавых погромов армян в Тавре, возмущенный санкционированными турецким правительством зверствами, он публикует в известном французском журнале «Ревю де дё монд»¹ обширную статью, которую с некоторыми сокращениями, касающимися древней истории армянского народа, мы предлагаем читателю, т. к. она представляет не только чисто исторический интерес, но и, воскрешая в памяти драматические страницы борьбы армян против национального гнета и насилия, все еще остается актуальной. Логическим продолжением варварской политики Турции в отношении армян явилась резня 1895—1896 гг. и геноцид 1915—1921 гг., до сих пор официально не признанный Турцией. И в конце XX в., спустя более 130 лет после описанных Ланглуа событий, мир вновь стал свидетелем как жестоких армянских погромов уже в советском Азербайджане (Сумгаите, Ходжалу, Кировабаде, Баку и т. д.), так и героической борьбы другого горного армянского края — Карабаха за свою свободу и независимость. И в эти трудные для армян времена тоже нашлись честные и бескорыстные люди, вопреки массивной лжи и враждебности использующих двойные стандарты «великих держав», рассказавшие и показавшие правду о Карабахе и его прошлом, о противостоянии политике национальной дискриминации и гнета, о мужестве и героизме его народа, отстаивающего с оружием в руках свою жизнь, право на свободу и суверенитет. Вот почему труд Ланглуа, повествующий об одном из звеньев в кровавой цепи преступлений против армянского народа, живо перекликается с современностью. Ведь давно известно, что забвение исторического прошлого оборачивается его повторением в будущем.

Предисловие, перевод и комментарии Э. Р. Гукасян.

¹ «Ревю де дё монд» [«Обозрение двух миров»], Париж, 15/11, 1863.

ТУРЕЦКИЕ АРМЯНЕ И РЕЗНЯ В ТАВРЕ

Внимание Европы было неожиданно привлечено к турецким армянам, которых оттоманская политика, по-видимому, специально избрала в качестве жертв своего систематического и жестокого преследования восточных христиан.

Еще вчера Европа под армянами подразумевала племя разрозненных торговцев, заботящихся лишь о своей выгоде и почти не интересующихся крупными социальными вопросами, волнующими ныне многие угнетенные народы. А сегодня Европа узнает, что армяне—это единая нация, состоящая из четырех миллионов человек. Одни только турецкие армяне составляют значительную и однородную массу в два с половиной миллиона человек. Эта умная и либеральная христианская община изолирована среди своих угнетателей—турок и окружена мусульманами. Находясь лицом к лицу с варварами, армяне защищаются от них как на ниве конституционной законности,—чтобы добиться гражданских прав,—так и в горах Тавра, с оружием в руках отстаивая свою независимость. Твердая и мудрая политика, направленная против устаревших ухищрений и коварных уловок оттоманского правительства, а также героическая отвага перед лицом посылаемых на грабежи и убийства орд баши-бузуков—именно эти две добродетели, которые отныне следует признать за армянами оттоманской империи, послужат рычагом для европейской дипломатии, когда она решится на определенные шаги и усилия в интересах восточных христиан.

Усилия эти сегодня были бы особенно своевременны. В последние месяцы 1862 года район Зейтуна в центре киликийского Тавра стал ареной страшных погромов, которые уже с начала 1863 года повторяются в г. Муше, близ озера Ван, как бы для того, чтобы вновь потрясти Европу и бросить ей еще один вызов. Эти погромы продолжают кровавую цепь, первыми звеньями которой были события в Дезде, Дамаске и Ливане. Они не прекратятся, пока турецкая империя не будет наказана со всей строгостью и справедливостью. Правда, политические тенденции большой европейской нации, в данном случае действующей не совсем по-христиански, видимо, косвенно поощряют турок, и это покровительство до сих пор обеспечивало виновным скандальную безнаказанность, но, надо надеяться, рано или поздно настанет время другой политики, которая решится на создание противовеса, чтобы предотвратить повторение таких отвратительных злодеяний. Турецкое правительство не раз брало на себя торжественные обязательства по отношению к христианам перед великими державами Запада, и особенно Францией. Пора потребовать у него отчет за Гюльхане и султанский указ 1856 г., то есть за официальные обещания в пользу райя².

Для любого, кто знает Турцию, ясно, что между оставленными на волю судьбы христианскими и мусульманскими общинами никакого примирения здесь не может быть, т. к. оттоманское правительство недостаточно сильно, чтобы выполнить свои обязательства, и недостаточно лояльно, чтобы принудить пашей хоть к какой-то справедливости.

Дважды французские войска пересекали морские границы для укрепления турецкой империи, которой грозил полный развал, и для пресечения недавней бойни, обескровившей Сирию. Конечно же, это делалось вовсе не для того, чтобы стать соучастниками новых жестоко-

² Райя — термин, которым обозначались все немусульманские подданные Оттоманской империи, независимо от их национальной принадлежности. Райя не имели равных прав с мусульманами.

стей, чинимых над христианами Тавра и Муша. Напротив, французское правительство, в согласии с великими державами — покровительницами, четко оговорило, что Турция должна без промедления приступить к радикальным реформам в положении христиан. Франция же отныне приобретает право следить за их осуществлением. Кроме того, наша страна имеет на Востоке неотъемлемое право инициативы, опирающееся на немеркнувшие воспоминания и огромную симпатию.

Движение турецких армян имеет, кстати, важное значение, принимая во внимание положение оттоманской империи и результаты, к которым оно неизбежно приведет. Несмотря на огромную протяженность территорий, положение Турции уже далеко не стабильно. Авторитет ее прошлого исчез, и колосс, еще два века назад державший Европу в постоянном страхе, ныне сам держится лишь с помощью европейских держав. Пользуясь тем, что угнетатели ослабили оковы, христиане в течение последних лет стали чувствовать себя свободнее. Находясь среди всех этих беспокойных народностей империи, османцы видят, как с каждым днем под их ногами все больше разверзается пропасть. Турция, полностью состоящая из разнородных элементов, не представляет одну нацию, скорее это странный конгломерат народов, различающихся по своей расовой, религиозной принадлежности и языку, связанных друг с другом лишь общей цепью жесточайшего ига. Господствующая нация составляет всего одну треть населения империи. Из 35—40 млн. подданных султана едва насчитывается 12 млн. османцев (турок), остальные же представляют собой смесь мусульман, христиан, евреев и даже идолопоклонников, имеющих свое собственное лицо и индивидуальность. В Африке, где у Турции фактически всего одна провинция, регентство Триполи, подданные империи, расселенные в Тунисе и Египте, в основном — арабы, копты и абиссинцы. В Азии смешение рас предлагает весьма странные контрасты: это прежде всего арабы в значительном количестве, курды, туркмены, греки, евреи и множество различных племен, как, например, езиды, нусайриты, исмаэлиты, марониты, друзы, лазы, цыгане и др. В европейских провинциях Турции — это многочисленные представители греческой и еврейской национальностей, румыны, славяне и албанцы. Последним трем группам под названием молдаван-валахов, сербов и черногорцев почти удалось, сохраняя под властью Порты особую систему управления, местных князей и национальную армию, тем самым отстоять свою независимость. И, наконец, это армяне, с гражданскими правами которых нельзя далее медлить, особенно с тех пор как события в Тавре привлекают к ним внимание Европы. Армяне Зейтуна составляют конфедерацию, которая находится по отношению к туркам в положении, аналогичном положению албанцев³. Будучи отрезаны в труднодоступных горах, они всегда жили вне пределов власти султана, никогда не были покорены и хотят, чтобы турецкое правительство уважало их независимость, хотя бы в силу права владения положением. Что касается армян Константинополя, Смирны и некоторых других городов, в которых я побывал еще 10 лет назад, то там я увидел первые симптомы возрождения, происходящего сегодня в социальном положении всей нации. Я был свидетелем их постоянной и действенной борьбы за Конституцию и видел в этом доказательство их редкой политической энергии. Тогда я не думал, что жестоко атакованные в своих горах зейтунцы так скоро докажут, что их военная отвага и гражданское мужество тесно связаны и что христиане Востока — вовсе не

³ С ослаблением Османской империи в начале XIX в. усилилась власть албанских феодалов — наместников султана, и некоторые из них самостоятельно правили значительными территориями. Однако предпринятые турецким правительством реформы с целью укрепления империи привели к еще большему ухудшению положения албанцев и усилению национального гнета, что вызвало целый ряд народных восстаний против турецкого господства.

деградирующая масса, не способная энергично и действенно поддержать то, что пытаются сделать в ее интересах.

Армянское население подпало под относящийся к некоторым народам закон, по которому их можно было считать осужденными на эмиграцию. Конечно, оно сохранило центр национальной жизни, но даже оттуда оно лучеобразно рассеивалось по самым противоположным направлениям. Расселенные, в основном, в первоначальных местах обитания нации — вокруг горы Арарат и озера Ван, армяне основали солидные колонии в Европе, Индии и далее, вплоть до Азиатского архипелага...⁴

Вопреки множеству превратностей, армяне остались верными своему национальному духу, сумели сохранить в целостности свою религию, присущие им моральные и духовные качества. Строго придерживаясь принципов евангелической морали, несмотря на контакты с угнетателями, они отличались, как и сегодня, чистотой нравов, оставаясь серьезными и суровыми перед лицом восточного легкомыслия и распущенности, утверждая в качестве прочной основы своей христианской цивилизации уважение к женщине, целостность семьи и отсутствие обычаев для Востока пороков. Принадлежа к индоевропейской расе, армяне умели пользоваться своим активным и гибким умом в самых разных целях, и их коммерческие или предпринимательские способности проявлялись во всех начинаниях, наряду с честностью и справедливостью. Туркам не подобает упрекать их в хитрости: если она порой и проявляется у подчиненных им армян, это лишь свидетельствует об отвратительном гнете, и виновен в этой хитрости именно угнетатель.

Заселенные ныне армянами и их колониями территории представляют собой обширную зону, простирающуюся с северо-запада на юго-восток и охватывающую в длину пространство в 12 тыс. км от Галиции до Явы (конечных пунктов этой территории). Эта резко суживающаяся в конечных пунктах территория перемежается зонами различной протяженности, где армянское население полностью отсутствует. Однако чем ближе она к Арарату — центру, вокруг которого некогда был сосредоточен народ Айка, тем больше расширяется, особенно в древних областях Армении. От этого центрального пункта ареал расселения армян тянется далеко на север и на юг в различных направлениях. На севере главные разветвления доходят до Закавказья, а после довольно значительных интервалов армянские колонии можно встретить в Крыму, Астрахани, Москве и т. д. На юге ареал их обитания простирается до Сирии, Палестины и Египта.

В начале XIX в. в политическом положении армян, которые оставались на земле своей древней родины, произошли значительные изменения. Разделенная вначале между двумя мусульманскими державами (Турцией и Ираном) Армения теперь уже подчинена трем государствам. Значительная часть персидской Армении вот уже более трех десятилетий (1828—1829 гг.) в результате блистательных побед генерала Паскевича присоединена к Российским владениям в Азии⁵.

⁴ По самым достоверным данным, общее число армян составляет около 4 млн. человек, расселенных следующим образом:

Османская империя, включая дунайские области и Египет—2.550 тыс.

Российская империя, включая Закавказье—1.220 тыс. чел.

Австрийская империя—25 тыс. чел.

Иран и Азербайджан—170 тыс. чел.

Индия и Азиатский архипелаг—25 тыс. чел.

Западная Европа, Америка и т. д.—10 тыс. чел.

Итого — 4.000 000 чел.

⁵ По Туркманчайскому договору, завершившему русско-персидскую войну 1826—1828 гг., к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства,

Армяне в России сохранили свои привилегии, благоденствуют и находятся в полной безопасности. Некоторые из них занимают высокие посты в гражданских и военных ведомствах Эривани, Тифлиса, Москвы, Санкт-Петербурга. Имена князей Бебутовых, Аргутинских-Долгоруких, Мадатовых, членов рода Лазаревых приобрели европейскую известность на военном и административном поприщах. Армяне, живущие как в присоединенной к Азербайджану персидской Армении, так и в самом Иране, все упорнее стремятся вырваться из плачевного положения, в которое их вверг деспотизм шаха Аббаса и его преемников. Раскрепощенные уже много лет, они пользуются равными с персами правами, несмотря на религиозные различия. В последнее время некоторые персидские армяне стали довольно известными, как, например, Манучар, Хосров, Авак, Арутюн, М. Ениколопов и др. Число персидских армян сегодня было бы гораздо значительнее, если бы гонения, которым они подвергались в XVII в., не вынудили их эмигрировать в Индию и на Яву, где их колонии процветают. И, наконец, в Турции армян намного больше, чем где-либо. Только турецкая Армения охватывает шесть областей: Эрзерума, Диарбекира, Харлута, Аданы, Бозука и Сиваса. Но как в отдаленных провинциях, так и в самой столице империи они подвергаются жесточайшему гнету, и лишь немногие из них обязаны своим возвышением странному капризу судьбы. Занимаясь в основном торговлей и земледелием, они сумели благодаря своему уму, хотя и с немалыми трудностями, завладеть материковой коммерцией азиатской Турции и сосредоточить в своих руках большую часть финансовых операций в стране. Используя в своих интересах административные способности армян, турки отдали им на откуп управление монетным двором, военным ведомством, пороховыми предприятиями, таможнями и шелковыми мануфактурами, принадлежащими правительству. Но эти привилегированные армяне, некоторые из которых пользуются определенным влиянием, мало сделали, чтобы добиться улучшения положения своих соотечественников. Среди этих армян особой известностью пользовался управляющий монетным двором и личный друг султана-реформатора Махмуда II Газес Арутюнян, которому армяне обязаны открытием школ, больниц, церквей. Большая часть его огромных богатств была истрачена на помощь несчастным соотечественникам и всем беднякам. Рассказывают, что на его похоронах присутствовало 100 тысяч человек всех национальностей и религий столицы. Султан Махмуд, наблюдавший из окна своего дворца эту огромную массу народа, спросил о причине скопления и узнал о смерти Арутюняна, которую от него скрыли. Пролитая единственные в своей жизни слезы, он воскликнул: «Бедный Газес, почему ты так рано меня покинул?!» Действительно, Газес спас финансы империи после злополучной кампании султана против императора Николая⁸. Благодаря его усилиям стало возможно выплатить России военную контрибуцию, и Махмуд не забыл оказанной ему услуги. Следует признать, что никто из членов семейств Дадаянов (Татянов), Дуз-оглу, Ерамянов, Аллахвердянов, возглавляющих ныне монетный и пороховой двор, крупные банковские дома в Константинополе, никогда не имел какого влияния при султанах. Их роль ограничивается накоплением капиталов без особой озабоченности судьбами нации, которую они представляют в гражданском совете. Говорят, что у них благие намерения, но судя по связанным с Конституцией фактам, их политические взгляды далеки от нынешних нужд их соотечественников. В тех областях Турции, куда влияние этих известных семейств никогда не проникало, армяне подчинены произволу пашей и глав администраций (миллет-баши). Они служат мишенью для притеснений и беззаконий со стороны мусульман. В некоторых азиатских местностях они даже подвергаются грабегам и нападениям туркменских, курдских и черкесских племен,

⁸ Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг.

За пределами мусульманских стран армянские колонии успешно развиваются благодаря разумной активности во всех областях финансово-коммерческой деятельности. Однако следует особо выделить армян Галиции, Трансильвании и Венгрии, чье развитие замедлено из-за ряда требований и препятствий, чинимых австрийским правительством. Численность армян в Индии и на Яве — соответственно английских и голландских подданных — неуклонно растет, и среди них есть люди редкого ума, сумевшие за очень короткий срок приобрести значительные богатства. Вообще армяне всегда обладали редкими способностями к торговле.

К счастью, коммерческие способности не помешали их интеллектуальному развитию. Всеобщую известность приобрела основанная в начале XVIII в. Мхитаром Себастици знаменитая венецианская конгрегация мхитаристов, члены которой оказали неоценимые услуги армянскому народу и исторической науке. Благодаря типографии венецианских мхитаристов сегодня стали известны многочисленные произведения древней и современной армянской литературы; именно ей мы обязаны изданием исторических и классических трудов, открывших обширное поле деятельности для развития знаний. Мхитаристы пробудили в Европе и среди своих соотечественников интерес к арменоведческим исследованиям, создав на острове св. Лазаря академию и переводя на армянский язык шедевры как греческой и римской литературы, так и литературы Франции, Германии и Англии. Этот духовный порыв во многом способствовал пробуждению у армян Турции, в частности в армянских колониях Константинополя, Смирны и других крупных центров, национального чувства и осознанию ими своих политических прав. Армянская пресса, обязанный своими первыми опытами одному из мхитаристов, задалась целью возродить прозябавшие из-за турецкого гнета в отсталости и невежестве провинции. С начала XIX в. и поныне было издано более 50 армянских газет и журналов, причем большая их часть выпускалась огромными тиражами для массового распространения. В то же время выходили в свет и книги классиков, переводы лучших произведений древних и современных литератур. Чтение и осмысление образованными армянами сочинений наших великих мыслителей, частота общения, обусловленная связывающими европейские порты с азиатским побережьем пароходными линиями, общерасовые братские связи, объединяющие армян и европейцев, так же, как они, потомков большой арийской семьи народов, породили в умах просвещенной армянской элиты идеи прогресса, результаты которых нельзя недооценивать. Первые попытки создания национального гражданского совета, последние события в Константинополе в связи с армянской Конституцией 1860 г., настойчивость, с которой патриоты добивались от Порты ее введения в действие — все свидетельствует о радикальном изменении в сознании армянских «райя», что приведет к важным переменам в их социальном положении. Развитие таких ростков в империи, судьбы которой живо интересуют Европу, заслуживает определенного внимания.

Гражданская организация армян — подданных турецкой империи впервые сложилась во время завоевания Константинополя Магометом II в 1453 г. Когда будущий победитель Византии еще был в Брусселе, он приблизил к себе армянского епископа этого города Тер-Овакима. В дружеских беседах с султаном Оваким предсказал ему, что Константинополь будет под его властью. Действительно, Магомет II уже давно мечтал о завоевании греческой империи. Он обещал Овакиму в случае, если его предсказание сбывается, осыпать его почестями в новой столице и возвести в сан патриарха всех армян его империи. Пророчество Овакима сбылось: в июле 1453 г.⁷ Константинополь пал под

⁷ Ошибка: Константинополь пал в мае 1453 г.

натиском войск Магомета II, и через несколько лет (1461 г.) Оваким был облечен победителем самыми широкими полномочиями и властью над единоверцами⁸. Именно к этому времени относится начало юрисдикции армянских константинопольских патриархов над их соотечественниками. Эта почти абсолютная власть главы армянской церкви над всей нацией просуществовала около четырех веков. Лишь с приходом к власти султана Абдул Меджида, начавшего свое царствование с предоставления хартии Гюл-Хане, армяне, все подчиненные исключительной власти патриархата, стали думать об освобождении от тягостной опеки главы своей церкви, который в действительности стал простым турецким чиновником. В Константинополе в ту пору были люди редкого достоинства, просвещенные патриоты, которые своими связями с членами правительства и влиянием, оказываемым на нацию, во многом способствовали плану армян. По их совету нация поручила нескольким своим представителям составить петицию молодому султану, в которой просили, чтобы патриарху Константинополя, единственно облеченному гражданскими полномочиями, помогал совет из именитых армян, разделяя с ним бремя забот. Искусно проведенные переговоры дали самые прекрасные результаты. По поручению Рашид-паши составили султанский рескрипт, которым учреждался армянский национальный совет под председательством патриарха, чья власть с тех пор значительно сузилась. В компетенции этого совета были сбор и распределение налогов, использование средств казны, ведение следствий и судебных разбирательств между армянами. На него возлагалась и функция защиты общих и частных интересов соотечественников. Принимая эти полномочия, национальный совет и патриарх заявляли о своей ответственности за верность армянам, поданных Порты, султану и империи. С 1842 г. национальный совет приступил к работе, и на открытии первого заседания один из членов предложил создать комиссию для выработки положения, которое должно быть представлено на суд нации. Проект этого положения, окончательную редакцию которого утвердили лишь в 1860 г., был опубликован тогда под названием «Национальная конституция».

Это был большой прогресс, однако сам по себе он уже требовал прогресса дальнейшего. Созданный 20 лет назад национальный совет уже был ослаблен турецким эгоизмом и апатией, и партия просвещенных армян понимала, что для новой конституции требуется новый орган. Особенно необходимой становилась реформа финансового управления и налогообложения. По мере национального развития турецких армян все глубже ощущались пороки правления, которому они были подчинены. Большинство армян из просвещенных слоев объединилось в партию, которая с неутомимой энергией требовала новых реформ, а оппозиционная партия была ею объявлена партией «темных» (хаварьял). Вместе с тем обращения в протестанство и римский католицизм, начиная с 1850 г. вносили все больший раздор в умы и сердца. Партия прогресса любой ценой стремилась остановить этот раскол, но турецкое правительство заметило его и осознало, какую пользу можно извлечь из него в борьбе с грядущей опасностью национального подъема армян. В 1861 году оно приостановило действие Конституции под предлогом ее пересмотра, и недовольные армяне до сих пор все еще тщетно требуют ее вернуть.

Странное зрелище! Угнетенный народ сам дал себе эту Конституцию под безразличным взором народа-угнетателя, а она—одна из самых либеральных, которые только можно себе представить. В ней есть явное стремление закрепить многие национальные обычаи, но вместе с тем очевидна тенденция к сближению с европейскими конституциями,

⁸ Приведенные автором сведения об Овакиме не являются достоверными:—это всего лишь предание.

и это письменное свидетельство законного сопротивления, которое армяне намерены вести против оттоманского правительства денно и нощно. Сохраняя за константинопольским патриархом пост председателя национального совета, редакторы армянской конституции вместе с тем предоставляли соответствующие посты в провинциальных советах «арачнордам».⁹ Наряду с сохранением, по крайней мере внешне, старых прерогатив духовенства и теократических правил, сформулированных в канонах григорианской церкви и средневекового законодательства, они заботились об обеспечении народу его права на суверенитет, принимали представительскую форму правления, провозглашали в принципе всеобщее избирательное право и учреждали ассамблеи и советы, обязанные определять и управлять делами нации.

Католикос, церковный глава всей армянской нации, находится в Эчмиадзине (собор в русской Армении), у подножия горы Арарат, близ Эривани. Ему прямо подчиняются два епархиальных патриархата — Константинопольский и Иерусалимский. Константинопольский патриарх один осуществляет над всеми армянами Турции гражданскую юрисдикцию в качестве главы исполнительной власти, которую ему дарует конституция. Следовательно, его власть как гражданского главы турецких армян выше, чем власть Эчмиадзинского католикоса, которому он не обязан давать никакого отчета в мирских делах нации. Тем не менее именно Эчмиадзинский католикос обладает правом посвящать в сан патриархов и епископов и освящать святое масло (мирон). Однако католикос Сиса (в Киликии), его соперник, пользуется теми же правами, но его юрисдикция не выходит за пределы бывшего армянского Киликийского государства. Думается даже, что его существование продолжается лишь в ожидании возможного упразднения Россией эчмиадзинского католикосата. В этом случае католикос Сиса заменил бы католикоса Великой Армении, получив духовное наследие своего соперника. Почти исключительная привилегия посвящения в епископы и освящения мирона, которой пользуется эчмиадзинский католикос, поддерживает его моральные силы и благодаря религиозному единству сохраняет национальность народа, на который распространяется его юрисдикция. Эти узы до того крепки, что турецкое правительство боится такого единства и утверждает, будто находящиеся под его властью армяне составляют государство в государстве. Это и есть признанная турецким правительством побудительная причина препятствий, чинимых им армянскому народу на пути конституции и в главных центрах интеллектуальной деятельности просвещенной армянской элиты. К несчастью, его враждебность проявляется и иначе — вооруженными вмешательствами зачастую в им же самим провоцируемые распри в горных районах, где проживает армянское население, менее искушенное в политической жизни, но не менее достойное интереса и внимания. Отсюда — залившие Зейтун кровью погромы, о которых мы и должны рассказать.

Когда путешественник пересекает выжженную, безводную степь, которая тянется от вершины киликийского Тавра до берега Средиземного моря, глубокая грусть и некое странное беспокойство охватывают и подавляют его. Переносясь мыслями в другие времена, он воскрешает в памяти свои воспоминания и стремится найти в окружающем его суровом краю какой-нибудь забытый след изобилия равнинной Киликии. Тщетная надежда! Несколько неузнаваемых развалин городов, основанных героями-аргонавтами, груда обломков, обвитых колючим кустарником тысячами переплетений, кочующее угрюмое население, страдающее от лихорадки, — вот все, что есть теперь на этой унылой земле, первоначальном местопребывании богов, колонизованной затем сынами Эллады, легионерами Помпея и армянскими эмигранта-

⁹ Арачнорд — духовное лицо, в функции которого входило как церковное, так и гражданское управление епархией.

ми из столицы Ани. Но стоит только проникнуть в район гор, опоясывающих непроницаемой стеной равнину Тарса и Аданы, внезапно все меняется: пустыня кончается, растет трава, деревья своими густыми кронами тянутся к небу, и скалы исчезают под изящным ковром дерна и цветов. Природа, до сих пор бледная и бесцветная, оживает и хорошеет, пейзаж предстает во всем своем магическом величии. Чистое сверкающее небо окрашивает ледники и остроконечные вершины гор кровавыми полосами. Потоки, низвергаясь, режут в безднах и из их пены вырываются серебристые испарения, исчезающие от дуновения ветерка. Тут и там можно заметить нависшие над склонами утесов, как орлиные гнезда, деревни и «яйла», или хутора, хорошо возделанные поля, склонившиеся под тяжестью гроздьев виноградники, бродящих по пастбищам коз и овец, а также горцев, одновременно пастырей и воинов, следящих за урожаем и стадами. Таково неожиданное зрелище, предстающее перед взором путешественника.

Между тем это недоступный для исследования край, неизвестный уголок земли, где никогда не реяли римские орлы и который не смогли завоевать даже турки. Когда-то здесь находились убежища киликийцев, не покорившихся гнету всемогущих азиатских проконсулов; здесь были владения Тархондимотуса, союзника и друга народа — владыки. Постоянно обитаемая воинственным населением часть гор Тавр, которая простирается от Киликийских ворот (Кюлек-Богаз) почти до Мараша, затем отклоняется и доходит до залива Александретты, во все времена служила приютом и убежищем угнетенным народам Киликии. Туркмены и армяне сегодня живут здесь в полной независимости, в избранных ими самими местах. Окруженные со всех сторон турецкими провинциями с преобладающим османским населением, постоянно подвергаясь грабительским набегам со стороны курдских, юрукских, черкесских племен, располагающихся лагерем по соседству с ними, туркмены и армяне Тавра всегда мужественно защищались от агрессоров, пашей Цезареи и Мараша. Рассеянные в большом количестве по всей горной цепи, которая простирается, как я уже сказал, от ворот Киликии до залива Искандеруна, обитатели Тавра представляют собой довольно внушительную силу. На западе находится туркменское племя Хозан-оглу, властвующее в смешанном округе, состоящем из мусульман и христиан. Глава этого племени, Мехмет-Чатерджи, — один из самых грозных в горах ага. Кровно связанный с вождями юруков, стоящих лагерем близ города Сис, он часто посылает в равнину отряды для нападения на караваны и отдельных путешественников. Степные разбойники, юруки, рыскают по ночам, как изголодавшиеся шакалы, подстерегая легкую добычу, и возвращаются в свой лагерь с поживой, которую делятся со своими главарями. Что касается зейтунцев, совсем не просто познать их край, куда они впускают путешественников очень неохотно, и лишь после резни в Тавре Европа узнала о существовании этих армянских горцев.

Ни на одной карте Малой Азии я не встречал названия Зейтун, кроме атласа, изданного мхитаристами острова св. Лазаря, и карты г-на Киперта из Берлина, который представил это название в орфографии «Зейтин». Зейтун — турецкое слово арабского происхождения, обозначающее оливковое дерево. В Турции и даже в Греции встречаются и другие местности с тем же названием, где растет повященный Минерве кустарник; когда-то оливковых деревьев в Киликии, где их посадили генуэзцы, было много: они есть еще и сегодня почти в диком виде. Армянский Зейтун расположен между 37-ым и 38-ым градусами широты, 34-ым и 35-ым градусами долготы, в самом неровном районе гор. Со всех сторон территория зейтунской конфедерации окружена отвесными скалами, кроме стороны Мараша, где есть расщелины, прорытые течением реки Джихан-чай (в древности Пирам) и ее притоков. На западе Зейтун граничит с владениями туркмен племени Хозан-оглу, где есть лишь один крупный город Гаджин, в основном на

селенный армянами. На востоке по реке Джихан проходит граница зейтунской территории и Марашского пашалыка. На севере и юге неприступные скалы служат условной линией границы между Зейтуном и дальними пастбищами, где племена юруков пасут летом свои стада. В длину и ширину Зейтун может «иметь около пятнадцати часов» — такова обычная на Востоке манера представлять географические расстояния. Долины, где стоят городки, деревни и хутора этих армянских горцев, очень плодородны, и у населения в изобилии есть чем питаться и кормить свой скот. Если судить по людям, которых мне довелось наблюдать во время моего пребывания в Киликии, армяне Зейтуна — более крепкого телосложения, чем живущие в городах Турции.

В этом зейтунцы поразительно схожи со своими соотечественниками из Карабаха, другой армянской области, расположенной на Кавказе, на юге Дагестана, и с многими константинопольскими рабочими и грузчиками — почти сплошь армянами, уроженцами гор турецкой Армении.

В Зейтуне насчитывается десять сел, много поселков и хуторов. Шесть из этих сел, включая главный городок Зейтун, давший название всему краю, населены исключительно армянами; в четырех остальных живут туркмены, подвластные первым и также входящие в конфедерацию. Благодаря весьма похвальной религиозной терпимости эти туркмены, исповедующие ислам, пользуются теми же правами, что и армяне, и, за исключением веры, ни в чем от последних не отличаются. Населенные армянами села — это, во-первых, Зейтун, резиденция архиепископа и членов областного правления, затем Михтал, или Макал, Чекердера, Езидинк и Алабаш, население которых в целом примерно составляет 20 тыс. человек, включая жителей зависимых от них поселков и хуторов. Туркменские села — это Бешен, Денюк, Кертмен и Саригёзаль, с общим, сплошь мусульманским населением в 4,5—5 тыс. человек. Надеюсь, мне извинят эти подробности о населенных пунктах, которые из-за турецких погромов могут приобрести завтра печальную известность.

В современной истории османской империи весьма интересен факт существования этих маленьких свободных, населенных большей частью христианами штатов, которые, находясь в совершенно разных местах, не имея между собой никакой связи, оставались вне власти султана: в Европе — это Монтенегро, который так долго сопротивлялся войскам сардара Омер-паши; в Малой Азии — Зейтун, жители которого полгода назад обратили в бегство мусульманские орды, посланные из Мараша для их истребления; в Сирии — Ливан, где еще недавно происходила кровавая бойня; наконец, в турецкой Армении — горы Сасуна, также населенные непокорными армянами. Все эти народности, которые османское правительство стремится подчинить себе, обрушивая на них превосходящие силы войск, обречены на исчезновение, если европейские державы не придут им на помощь. Используемые Портой средства хорошо известны; там, где золото не может оплатить измену, там, где самые соблазнительные обещания отвергаются с гордым презрением, диван (государственный совет Турции) пытается применять старые наставления маккиавелиевской школы. Вспыхивает отдельный конфликт, вскоре он разрастается; какой-нибудь паша совершает вооруженное вмешательство и без всякого повода уничтожает урожай и насаждения, сжигает села и церкви и истребляет предварительно обезоруженное им беззащитное население.

До моей поездки в Тавр я совершенно ничего не знал о существовании зейтунцев. Впервые я услышал о них в Сисе, во время моего пребывания в патриаршей резиденции. Монастырские монахи рассказали мне тогда о том, как возникла в горах армянская конфедерация, предоставили подробности о населении края, его политической организации, о численности и средствах жителей. Поскольку они сообщили мне и о том, что зейтунцы время от времени приходят в мона-

стырь по своим делам, я решил продлить мое пребывание в патриаршестве для получения от них сведений, которые позволили бы мне совершить экскурсию в их горы. Случай не заставил долго ждать. Через несколько дней, когда я прогуливался с одним из монахов за городом, мы увидели приближающихся к нам нескольких всадников, которые были удивительно похожи на туркменов: это были зейтуны. Приблизившись, они сошли с коней, один за другим поцеловали монаху руку и стали беседовать о делах, которые привели их в Сис. Беседа длилась какое-то время, что позволило мне внимательно их рассмотреть. Они были выше среднего роста, крепкого сложения, с довольно правильными чертами лица, живым взглядом и загорелые. Их одежда, очень простая, состояла из длинной красной куртки (аба) козьей шерсти, украшенной голубыми шнурами. Широкие брюки (шалвар) из верблюжьей шерсти, зеленый тюрбан паломника (хаджи) и красные сафьяновые сапоги исполняли их облачение. За поясом у всех были пистолеты, а на ремне за спиной у правого плеча висели ружья. Вечером, во время совместного ужина в монастыре, я попросил зейтунов сообщить мне некоторые детали об их крае. На мои вопросы они отвечали уклончиво, даже с явным неудовольствием. Все, что я смог узнать, это то, что от Сиса до Зейтуна — 12 часов пути по скверным, нередко весьма опасным дорогам. Тем не менее я решил отправиться туда, чтобы на месте, у них дома, увидеть армянских горцев Тавра. Через несколько часов после отъезда монастырских гостей я с надежным полицейским эскортом («запятие») направился в сторону Тавра. Когда я прибыл на территорию конфедерации, несколько предупрежденных о моем приезде зейтунов вышли мне навстречу, но, увидев, мой военный эскорт, заявили, что дальше идти мне нельзя. Я попросил встречи с кем-либо из их начальства; мне ответили, что одних нет, другие отправились в длительное путешествие. Я настаивал, но все было бесполезно: зейтунскую землю я увидел ровно настолько, насколько видишь Венецианскую область, когда, прибыв на австрийскую таможду Пешьера, обнаруживаешь, что забыв или потерял свой паспорт. Мне пришлось довольствоваться информацией сисских монахов, которая, к счастью, была мне безоговорочно предоставлена.

Существование зейтунской конфедерации не вызывает никаких сомнений: своим возникновением она обязана уничтожению египтянами во II половине XIV в. армянского государства, созданного в Киликии в 1085 году династией Рубенянов. Сразу же после оккупации Киликии войсками кайрского султана множество армян, избежавших резни и насильственного переселения, и тех, кто тогда не эмигрировал, ушли в горы. Вскоре они соединились с соотечественниками, уже укрывшимися в недоступных местах, в частности на горных отрогах, там, где ныне обосновались зейтуны. Укрепившись на хороших позициях, представлявших собой надежное укрытие от нападений мусульман, они сумели там удержаться наперекор египтянам, чьи частые атаки им приходилось отражать. Когда Киликией завладели турки-османцы, ничего не выигравшие от этого армяне продолжали оставаться в своих укрытиях. Туркменские и юрукские феодалы (деребен), которые почти под формальной властью Порты деспотично правили в горах и равнинах вместе с агами могущественного племени Эль-Рамадан-оглу, хозяевами Аданы и главных городов Киликии, сделали несколько попыток покорить армян Тавра. Не добившись этого, они ограничились тем, что обложили их данью, избавиться от которой зейтуны всегда находили какой-либо способ.

В 1835—1836 гг. главнокомандующий войсками Махмеда-али вице-король Египта, отвоевавший у турок Сирию и область Аданы, решил также подчинить себе туркменов Хозан-оглу и зейтунских армян. С этим намерением Ибрагим-паша отправил против них албанский полк и несколько горных орудий, приказав захватить и укрепиться на

их территории, но египетская колонна, прибывшая в ущелье, ведущее в независимые округа, внезапно была остановлена лавиной скал, которая преградила им путь в проходы. Войску пришлось повернуть назад, оставив на земле много убитых и артиллерию. Несмотря на все усилия, покорить горцев Ибрагиму не удалось. Хозан-оглу при поддержке зейтунцев после героической борьбы сумел продержаться до ухода египтян в октябре 1840 г., в результате принятых лондонским конгрессом решений. Когда турки вновь завладели пашалыками Мараша и Аданы, они попытались путем мирных переговоров подчинить горцев, но согласие длилось весьма недолго, и глухая вражда по отношению к османцам сохранялась до 1862 г., когда затеянный между двумя находящимися на их территории мусульманскими деревнями конфликт вновь поставил горцев лицом к лицу с турками.

Такова история горских армян до последней резни. Интересна и их общественная организация. Они использовали свою полную независимость для создания республиканского правления, форма которого всегда оставалась неизменной. Четверо именитых граждан с княжеским титулом (ишханы) управляли конфедерацией. В их функции входило отправление правосудия, устранение разногласий и взимание подушного налога, часть которого предназначена для содержания и ремонта церквей и монастырей, а другая — на оплату дани паше Мараша. Поскольку эта дань никогда не уплачивалась, ишханы присваивали и распоряжались ею по своему усмотрению. Сисский патриарх, архиепископ Зейтуна и армянское духовенство получали свою долю. В назначенное время князья собираются на совет для обсуждения дел конфедерации и установления размера налога. Председательство этим советом по праву принадлежит зейтунскому архиепископу, чей голос является решающим в случае разделения мнений. Помимо управленческих функций, каждый князь стоит во главе одного из четырех кварталов города в качестве кади, или мэра. Остальными армянскими и туркменскими поселениями руководят кехья¹⁰, старосты, лица, на которые возложены административные функции). Их назначают князья, которые и осуществляют за ними надзор. Поскольку кехья выбирают среди именитых сельчан, то в армянских селах кехья — христиан, в туркменских — мусульманин. Архиепископ Зейтуна, возглавляющий совет князей, не занимается гражданскими делами конфедерации, и роль его в этом схожа с ролью константинопольского патриарха в гражданском совете нации. Его церковная юрисдикция за пределами конфедерации распространяется на несколько соседних христианских деревень, но она незначительна, ибо в Зейтуне насчитывается не более 20—25 церквей или церковных приходов, да и то основные из них находятся в главном центре конфедерации. На зейтунской территории расположены 3 монастыря, которые подчиняются патриаршему монастырю Сиса: один посвящен Спасителю, второй — Богоматери, а третий находится под покровительством св. Екатерины.

Во время войны, когда конфедерации угрожают юруки или марашский паша посылает войска против зейтунцев, князья и старосты мобилизуют всех способных носить оружие мужчин. Народное ополчение составляет 7—8 тыс. вооруженных за свой собственный счет бойцов от 16-и до 65-и лет. Армяне и туркмены маршируют под общими знаменами и с одинаковым рвением защищают подвергающуюся угрозе территорию. Сопровождающие народную армию священники несут хоругви с изображением наиболее чтимых святых григорианской церкви, реликвии и даже знаменитое чудотворное Евангелие, на котором испустил дух клятвопреступник Васил.¹¹ Зейтунские армяне так же до-

¹⁰ В армянской транскрипции — *բեհիւ*

¹¹ По легенде, этот Васил, дав ложную присягу на святой книге, невидимой рукой был тут же поражен ударом кнжжала, и брызнувшая кровь преступника заляпала тонкий пергамент рукописи. С тех пор евангелие Васи́ла, как стали

рожат своей реликвией, как независимостью своей территории. Это чувство даже доходит у них до фанатизма: ставший отступником священник в 1845 г. был скальпирован ими и заживо сожжен. Один из участников этой драмы со странным хладнокровием поведал мне недавно о ее деталях.

Тем не менее у зейтунцев весьма мягкие нравы и легкий характер. Убийства здесь явление редкое, и с незапамятных времен зейтунцев нельзя упрекнуть ни в одном убийстве с целью кражи. Их честность вошла в поговорку. Поэтому у них нет тюрем. Если зейтунец совершает преступление, его на определенный срок ссылают или обязывают в течение нескольких месяцев замаливать грех в монастыре и раздавать милостыню сообразно с его доходами. В зейтунском законодательстве не существует цены крови. Когда между жителями двух деревень вспыхивает ссора, князя посылают своих уполномоченных для ее улаживания и восстановления мира. В последних конфликтах князя не смогли остановить кровопролитие потому, что распря умышленно разжигалась. Портой и подвергалась сильному давлению из Мараша.

Жители Зейтуна изобретательны и хорошо освоили искусство обработки железа, которым изобилует их земля. Земледелие не развито, а из зерновых культур здесь производится лишь то, что необходимо для повседневного потребления людей и скота. Пшеница — явление редкое в крае, поэтому жителям приходится везти ее из окрестностей Кесарии и Мараша. Оттуда же они привозят и недостающие предметы потребления, оружие, ткани, хозяйственные товары и т. д. Взамен этих изделий они поставляют на базары соседних населенных пунктов сырое или обработанное железо. Большинство жителей в деревнях Зейтуна работает в кузницах и изготавливает гвозди, подковы, лемехи для плугов, лопаты и кирки. Женщины главным образом занимаются разведением шелковичных червей, они разматывают коконы и отправляют мотки в Кесарию. Некоторые ткут грубые ткани и ковры низкого качества.

Дети получают весьма неполное образование, церковные школы почти пусты, а достигшие 10—12-летнего возраста используются на различных работах. Пополняющие свое образование в Сисском патриаршем монастыре священники, за редким исключением, являются единственными просвещенными людьми края. К тому же, зейтунское наречие, являющееся говором разговорного армянского языка, еще не отражено ни в одном литературном памятнике. Используемый наряду с турецким языком местный говор заимствовал из него многие выражения, которые изрядно искажают его. Утверждают будто туркменские подданные Зейтуна говорят на том же наречии, что армяне. Если это действительно так, то такой примечательный феномен должен быть отмечен в истории лингвистики. В самом деле, общеизвестно, что турецкий язык, легко изучаемый благодаря замечательной системе спряжения глаголов, без труда усваивается всеми завоеванными народами, тогда как ни армяне, ни евреи не смогли распространить свой язык или побудить к его усвоению население, среди которого они проживают даже в значительном количестве.

Подобно всем горным народам, у зейтунцев есть немало народных песен — простых творений национальной литературы. В большинстве своем это религиозные песни, схожие с отдельными гимнами из Шаракана¹²; остальные песни — военные или праздничные. Одна из них показалась мне довольно оригинальной; ее сочинил некий вардапет после разгрома Хуршид-паши, правителя Мараша, зейтунцами в 1859 г. «Спешите, братья, приходите послушать рассказ о наших подви-

его называть, считается щитом Зейтуна. В дни больших торжеств его извлекают из чехла и выставляют на поклонение верующих.

¹² Шаракан — книга гимнов армянской церкви.

гах, как неверный Хуршид, который хотел нас уничтожить, был разбит.

Слушайте, братья, рассказ о нападении Хуршид-паши. О, славным был для нас этот год!

Нечестивец решил нас истребить, похитить наших жен, детей и добро.

Но пусть он больше не рассчитывает на тысячи своих солдат, пусть отныне трепещет перед нами, и пусть марашцы научатся уважать верность клятве!

Поклон нашим вождям, которые повели нас на поле битвы, поклон нашим мудрым правителям, которые заботятся о нашей безопасности, поклон нашим доблестным князьям, и да здравствует наш край!

В эту величественную минуту Енидюнян¹⁸ восклицает: «Все вместе вперед! Нет больше страха; я добуду вам богатую добычу!»

Суренян продолжает: «Я командую тысячью воинами, которые пойдут на смерть, чтобы защитить нашу независимость. Двинемся на врага!»

Шовроян в свою очередь взывает: «Стойте! Первым во главе наших воинов должен идти я! А вам надо следовать моему примеру и отразить нападение мусульман».

Балаян им вторит: «Полюбуйтесь на моих молодцов, завидуйте моему пороху и свинцу. Берите все и стреляйте метко! Мое добро, мои ружья и жизнь принадлежат нации!».

Кехья Карапет тоже говорит: «Свободный горец—это я, страж Зейтуна, должен защитить дорогу свободы. Ко мне, сыны мои, ко мне! Доверимся Богу и будем достойны наших предков, собьем спесь с ненавистного паши! Мои амбары полны пшеницы. Не рассчитывайте больше на подкрепления. По одному хлебу в день, и будем сражаться десять лет. Мы уже достаточно пожили, и нам надо принести себя в жертву за здоровье наших братьев. С нами Бог и крест!».¹⁴

Зейтунаские события 1862—1863 гг. теперь можно оценить в их истинном свете, и последующий рассказ о них не оставит никаких неясностей. Быть может, он подтвердит мнение, сложившееся в Европе после резни в Сирии: священная война против христиан—таков «возвышенный» предлог, к которому хотели бы прибегнуть фанатичные приверженцы ислама. Странствующие дервиши, обходя города и базары, соответственно силились поддерживать своими изуверскими предсказаниями ужас в умах мусульманских чиновников. Нужно истребить христиан,—говорили экзальтированные сторонники ислама,—все поводы хороши, более того, в случае надобности следует их провоцировать. Впрочем, вот точные выражения из конфиденциального письма, адресованного областному паше неким высоким чиновником, который и сегодня находится при должности: «поддерживать нацио-

¹⁸ Эта и следующие фамилии—фамилии зейтунаских князей, руководивших горцами в ходе Джиханской битвы, где в 1859 г. был разбит Хуршид, марашский паша.

¹⁴ Интересно отметить, что эта песня была неизвестна многим исследователям истории Зейтуна (М. Семерчану, Г. Галстяну и др.), приводившим в своих трудах другие образцы народного творчества. Начало этой песни (на арм. яз.) мы нашли в книге А. Аракеляна «Зейтун» (Тифлис, 1896), на которую ссылается А. Погосян в своей «Истории Зейтуна». Однако у обоих авторов отсутствует вторая половина текста песни, где говорится о конкретных князьях и предводителях зейтунов. А. Погосян лишь упоминает о том, что текст этой песни сохранился в книге французского путешественника Леона Боля. Как видим, он приводится и в труде Лангла. Из всего сказанного можно предположить, что армянский оригинал в полном виде не сохранился, и тогда французский перевод текста песни приобретает особую ценность.

нальные распри и религиозное соперничество среди христианского населения, создавать конфликты, а затем осуществлять вооруженное вмешательство». При виде горестных сцен в Тавре невольно задаешься вопросом, не характеризуют ли эти слова политику, проводимую ныне турецким правительством по отношению к тем самым райя, которых Порта торжественно обязалась защищать так же, как других своих подданных. В самом деле, официальные рапорты не оставляют сомнений в том, что именно в силу четких приказов правитель Мараша напал на зейтунцев в августе 1862 г. и что резня армян Алабаша, св. Спасителя и Микталя является прямым следствием инструкций, направленных Азиз-паше, непосредственно из Константинополя. При зрелом размышлении не остается ни малейшего сомнения: резня армян Тавра была искаженно представлена как «изолированные, ничем, кроме ненависти мусульман, не связанные между собой факты, не имеющие никакой другой аналогии с большим турецким заговором 1860 года против армян, помимо посредничества паша». Достоверная информация свидетельствует о том, что все было совершенно иначе. Кроме того, известный писатель г-н Сен-Марк Жирарден, первым обративший внимание Европы на зейтунскую резню, неопровержимо доказал, что турецкая политика всегда следует одной и той же линии поведения по отношению к райя, что погромы в Ливане и Тавре — результат правительственного воздействия, и если погромы переносятся из одного места в другое, это не значит, что они прекратились. Он говорит: «Ослепление внушает сегодня оттоманской Порте уверенность в том, что ей все позволено, раз у нее имеется решительная и систематическая поддержка Англии. Воистину нужно ослепление, чтобы толкать турецких пашей так жестоко истреблять армян, и поскольку тормозом фанатизма и алчности является лишь страх, то визират лорда Пальмерстона до такой степени освободил турок от всякого страха, что паша в своем лихоемстве стали более дерзкими, а солдаты в своих изуверствах — более жестокими, чем когда-либо. Эти две страсти — наверху и внизу, по-видимому, объединились ныне против армян Тавра». Рассмотрим теперь факты детально.

В июле 1862 г. жители мусульманских деревень Зейтуна — Бешен и Кертмен рассорились из-за спорного участка земли. Несколько дней вопрос оставался нерешенным, и дело передали в Совет зейтунских князей. Тем временем житель Кертмена, претендующий на спорный участок, застрелил из ружья своего родственника из Бешена, который оспаривал его право на землю. Весть об этом убийстве распространилась, и жители Бешена отравились на место преступления, чтобы унести и похоронить труп, но лопали в засаду. Один из них был сражен пулей насмерть. Родственники обеих жертв, опасаясь новых бед, побежали в расположенную по соседству армянскую деревню Алабаш и, требуя помощи у местного старосты, Карапета, рассказали ему о том, что произошло. Тот, не мешкая, собрал несколько алабашцев и отправился в Кертмен, чтобы начать следствие и арестовать убийцу. Дойдя до середины пути между двумя деревнями, Карапет заметил мужчин, которых ему указали как главных авторов убийств двух жителей Бешена, и он тотчас же приказал своим людям арестовать их. В ту же минуту из кустов вышли несколько вооруженных людей и, увидев своих в руках людей Карапета, открыли по армянам огонь. Пятеро из сопровождающих старосту были убиты. Внезапно атакованные, армяне тем не менее не потеряли самообладания и, сразу же открыв ответный огонь, вывели из строя несколько противников. Остальные бросились бежать через скалы, продолжая стрелять по преследующему их отряду Карапета. Пал смертельно раненный второй староста Алабаша Акоп.

Этот инцидент положил конец преследованию, и армяне теперь думали лишь о том, чтобы унести своих убитых. Они перенесли и похоронили их в монастыре св. Спасителя. После этого кровавого

конфликта с примерно равными потерями с обеих сторон, казалось бы, следовало остановиться, тем более, что одному из зейтунских князей было поручено расследовать дело и успокоить общественное волнение.

Однако мусульманин из Мараша по имени Гюл-Али, бывший проездом в Алабаше, поспешил в главный город пашалыка и рассказал об убийстве мусульман армянами. Эта новость была передана правителю Азиз-паше и показалась ему столь серьезной, что он вызвал к себе Гюл-Али для уяснения дела. Последний упорствовал в своем заявлении, искажая обстоятельство конфликта, и добавил, будто армяне убили еще и троих мусульманских детей. Паша сразу же созвал меджлис, т. е. совет именитых граждан города, чтобы сообщить о произошедших в Зейтуне событиях. Среди членов этого совета были Солиман-бей, смещенный с должности декретом бывший оттоманский чиновник Хаджи-Омар-эффенди и Наджиб-эффенди—все трое известные своим фанатизмом и враждобностью к христианам. Эти люди, чьи голоса в совете были решающими, склонили пашу к вооруженному вторжению в Зейтун, чтобы отомстить «гяурам» и уничтожить армянское население. Трое прибывших в Мараш по своим делам армян по приказу паши были немедленно арестованы и брошены в тюрьму. В то же время Азиз отдал приказ окрестным старшинам хватать всех встречных зейтунцев и под надежным конвоем доставлять в Мараш.

Область была охвачена волнением: мусульмане открыто угрожали христианам, а те, оцепенев от ужаса, ясно представляли себе возобновление в Мараше и горах страшных событий, еще недавно заливших кровью Ливан. Прибытие в город вызванных Азизом для похода на Зейтун войск баши-бузуков еще больше усилило их страх. Эти нерегулярные войска состояли из курдов-афшаров, туркменов-юруков и черкесов. В 1857 г. черкесы в значительном количестве переселились в эту область с Кавказских гор, добились от турецкого правительства права на земли для проживания в Малой Азии. Турки намеренно расселили их главным образом в местностях с преобладающим христианским населением с целью усилить мусульман и поставить христиан перед печальной необходимостью подвергаться притеснениям черкесов. Как только эти неупорядоченные банды грабителей собрались в Мараше, они устроили там беспорядки, и христианам пришлось испытать немало страданий от присутствия этих наглых ополченцев, громогласно заявляющих о намерении вырезать всех армян провинции.

Зейтунцы поспешили направить губернатору Азиз-паше подробный доклад о происшедшем, где доказывали свою невиновность и заявляли, что убийство трех мусульманских детей христианами—чистойшей воды вымысел. Доклад, переданный Азизом меджлису, еще больше озлобил членов этого совета против зейтунцев, и они обязали пашу вызвать в Мараш армянских князей для очного объяснения. Князья поняли, что за этим приглашением скрывается ловушка. Прежде чем отправиться по вызову паши, они обратились к уполномоченному французского консульства г-ну Молинару с письмом, в котором просили его заступиться за них перед Азизом и добиться гарантий их безопасности. Молинару сообщил о письме паше, но тот не хотел ничего слушать и просто-напросто сказал ему: «Я хочу покончить с этими мятежниками и убийцами и уничтожить их до последнего».

Известно, что ночью, перед этой встречей, паша получил из Константинополя телеграммы в ответ на посланные им Высокой Порте сообщения. В них был категорический приказ немедленно атаковать зейтунцев, и еще до визита г-на Молинару Азиз отправил командующему вооруженным отрядом на границе Джамису-оглу гонца с предписанием вторгнуться в край армян и начать военные действия. Джамис и его банды сразу же направились в Алабаш и застигли врасплох его жителей во время сна. 44 дома были полностью разграблены, те,

кто попытались защищаться—безжалостно убиты. Гумна, заполненные обильным урожаем, были сожжены, женщины и священники задушены, а дети живыми брошены в огонь.

Весть о «подвигах» Джамиса-оглу быстро долетела до Мараша. Имамы тотчас же бросились в мечети, призывая правоверных вооружаться против христиан. Марашские мусульмане ходили по городу со знаменами, стреляли в окна домов греков, армян и сирийцев, выкрикивая смертельные угрозы. Два дня город был в оцепенении ужаса: христиане, забаррикадившись в домах, не осмеливались выходить; тех же, кто имел неосторожность попадаться на улице, турки забрасывали камнями: нескольких забили насмерть. Когда прошло первое возбуждение, христиане собрались и направили паше прошение, в котором заклинали его защитить их от нападений мусульманской толпы. В ответ Азиз приказал полицейским обезоружить всех христиан. Сомнений больше не было. Христиане поняли, что события в Зейтуне послужили лишь предлогом и турки намереваются возобновить в Мараше сцены Деир-эль-камарской и дамасской резни. Тогда главы общин решили обратиться к консулам Франции и Англии в Алеппо с мольбой ходатайствовать за них перед пашой этого города и добиться от него отправки регулярных войск им на помощь.

Пока в городе происходили эти события, Азиз, собравший 5 тысяч баши-бузуков, 7 августа 1862 г. отправился из Мараша для личного руководства боевыми действиями против Зейтуна. Перейдя границу в Джиган-Кепру, на следующий день он захватил христианскую деревню армянской конфедерации. Чекердере, жители которой убежали при его приближении. Баши-бузуки вышибали двери домов, грабили, а затем сжигали их. Расхрабрившись от первого успеха, Азиз двинулся на Алабаш. Бой на подступах к деревне позволил женщинам и детям вместе со стадами укрыться в Зейтуне. Защитники отступили затем в дома, которые баши-бузуки взяли с бою и предали огню. Продолжая поход, Азиз вступил в долину Хидже, в трех часах хода от Зейтуна. Там был расположен поселок и монастырь св. Спасителя, где жили несколько монахов. Прибыв сюда, Азиз велел своим солдатам вышибить дверь монастыря и, увидев там лишь четырех коленопреклоненных священнослужителей и старую женщину, поверившую, что нашла надежное убежище у подножия алтаря, хладнокровно приказал их убить. В довершение варварства он велел убить собаку и бросить ее окровавленные останки на трупы своих жертв. Разграбление церкви, осквернение священных сосудов, все злодеяния, на которые только способен грубая солдатня,—азизовские сбирь не побоялись совершить все это на глазах своего командира. Поселок и монастырские строения, мельницы и кузницы были сожжены; в св. Спасителе не осталось ни одного целого дома. Азиз-паша проявил в этот день холодную жестокость. Трудно понять, как человек, который был в Европе и жил в западной среде, мог опуститься до столь дикого варварства. Азиз принадлежит к тому молодому поколению турок, которое переняло у нашей цивилизации лишь все поверхностное, но в глубине души сохранило дремучий фанатизм. Азиз—один из наиболее видных представителей этой школы: он из тех турок-реформаторов, которые сплошь и рядом являются не более чем достойными соперниками поборников старого режима.

Между тем победоносный паша готовился к переговорам, когда ему сообщили о прибытии подкреплений из Мараша. Командующие этими частями заявили, что их люди, алчущие богатой добычи, не согласятся вернуться назад без боя, к тому же, их привели сюда с условием вести на город Зейтун. Паша сразу же прервал начатые переговоры и отослал армянских старост, сказав им, что двинется вперед. Такова прелюдия кровавого четверга 14 августа. В этот день мусульманская армия при поддержке артиллерии двинулась тремя ко-

лошнами к Зейтуну. Намного уступавшие им по численности армяне без единого выстрела отступили перед мусульманской конницей, которая опустошала все на своем пути, сжигая урожай, хутора и совершая страшные злодеяния. Тем временем армяне засели в скалах. Видя, что его конница не может их настигнуть, паша приказал навести орудия на армянские позиции, чтобы дать возможность пехоте выбить их оттуда. Но хорошо укрытые и стреляющие наверняка армяне вскоре утомили осаждающих. Считая момент благоприятным для наступления, они по условленному сигналу атаковали врага, силы которого были рассеяны по нескольким точкам, и внесли большое смятение и беспорядок в ряды мусульман. Схватка стала всеобщей. Растерянные солдаты Азиза, не чувствуя больше поддержки, не устояли и обратились в беспорядочное бегство. В это время армянские резервные части выходят из ущелья и смело устремляются на пушки Азиза и захватывают их почти без боя. Со всех сторон баши-бузуки бегут перед христианами, а те их преследуют по пятам. Азиз, на коне, окруженный своими офицерами, хочет сдержать бегущих; он кричит, угрожает, но на его слова не обращают внимания. Вынужденный следовать примеру других военачальников, он оставляет поле боя и галопом мчится к монастырю св. Богоматери. Там он утоляет свою ярость, приказав убить коленопреклоненного перед дверью церкви священника. Бой длился четыре часа. Равнина была усеяна трупами и умирающими. На поле битвы остались лежать 800 турок. С наступлением темноты зейтунцы прекратили преследование бегущих, а армия Азиза возвращалась в Мараш в полнейшем беспорядке, побежденная, поредевшая и разбитая, потеряв пушки и знамена. Путь от поселка св. Спасителя до Мараша она прошла за 6 часов вместо 12-и, которые обычно требуются на это расстояние.

Битва 14 августа—славный подвиг армян Тавра—спасла город Зейтун. Большая часть жителей христианских деревень конфедерации собралась там, готовая защищать себя и свои семьи до конца. Армяне-победители Азиза вернулись в город ночью с трофеями, пушками, знаменами, оружием и снаряжением. Лагерь, так внезапно брошенный врагом, был набит похищенными из церквей, монастырей и домов армян богатствами. Палатка паши со всем содержимым оказалась в руках христиан. Во время этих событий, решивших судьбу Зейтуна, английский консул в Алеппо во весь опор помчался в Мараш, возвещая христианам города о прибытии на следующий день регулярного стрелкового батальона и двух кавалерийских эскадронов. Эта новость изменила намерения мусульман, которые собирались вновь начать побойща в Сирии и истребить всех христиан пашалыка. Когда в полночь первые дезертиры армии Азиза проникли в город, мусульман охватил панический страх. Христиане, напротив, воспряли духом и с нетерпением ждали прибытия посланных из Алеппо им на помощь регулярных войск.

К часу ночи Азиз вернулся в Мараш, и консульские работники тотчас же явились к нему сообщить, что для предотвращения новых несчастий и защиты христиан к городу направляется отдельная войсковая часть. Английский консул незамедлительно начал следствие о происшедших событиях, а представители великих держав отправили в свои посольства в Константинополе подробные донесения с приложением протестов зейтунцев и марашских христиан.

Оттоманское правительство, чьи планы расстроились в результате неудачного похода Азиза, поспешило заменить его Ашир-пашой. Ашир — бывший губернатор Белграда, тот самый, который, как говорится в опубликованной французским правительством телеграмме, несколько месяцев назад, открыв огонь по сербам из турецкой крепости, «совершил акт, необходимость которого не может быть оправдана даже самой грозной и безрассудной агрессией». Турецкое прави-

тельство не могло сделать более знаменательного выбора. Отзывая Азиза, Порта заменяла не пашу, а лишь подменяла одно имя другим. Одновременно в Мараш была послана турецкая следственная комиссия. По настоянию посла Франции при султанае, маркиза де Мустье, в нее были включены двое армян. Недавно эта комиссия в отсутствие двух армянских представителей решила приговорить к смерти и казнить четырех зейтунских нотаблей (именитых граждан), обвиненных в бунте и убийствах! Остается узнать, согласятся ли армяне отдать своих руководителей в руки турецкого правосудия. Пока турецкая комиссия веда следствие в Мараше против зейтунцев, а те посылали в Европу делегатов, чтобы добиться защиты у великих христианских держав, и в частности у Франции, в Константинополе начался другой — связанный с событиями в Зейтуне процесс над редактором армянской газеты «Мунадие Ерджиаз» К. Паносяном. Он обвинялся в публикации якобы лживых статей о событиях в Киликии и в «диффамации высокого сановника Порты, его превосходительства Азиз-паши». Паносян, молодой человек, исполненный похвального патриотизма, в сдержанных выражениях просто резюмировал полученные из Мараша и Алеппо новости. Будучи армянином, он оплакивал участь своих братьев-горцев, отданных на расправу солдатам Азиза, и скорбел о резне в Тавре. Вот и все его преступление. По приказу полиции Паносян был арестован и изолирован; назначили комиссию вести его процесс, и поскольку ничего серьезного для обвинения армянского публициста ей не удалось обнаружить, он был приговорен лишь к 21-дневному тюремному заключению и выплате крупного штрафа в государственную казну. Газета была закрыта.

В Киликии ситуация все еще продолжает оставаться очень напряженной. Потерпев поражение в Зейтуне, баши-бузуки настроены угрожающе и ищут повода отомстить христианам, целыми бандами снуя по деревням, сжигая и опустошая все на своем пути. Турецкие власти, беспособные пресечь разбой этих орд, у которых на уме только грабеж, убийства и поджоги, закрывают глаза и даже не пытаются положить конец с каждым днем обостряющемуся положению вещей.

Внесет ли весна 1863 г. какие-либо изменения в положение христиан Тавра? Сказать это вряд ли возможно. Очевидно лишь, что вопрос этот вновь будет поставлен. Одно из двух: либо Порта поддержит статус-кво в отношениях с зейтунцами — и это было бы самым мудрым решением — либо вновь пошлет армию против христиан Тавра, и тогда будут все основания думать, что Зейтун падет в неравной борьбе, увлекая в своем падении всех христиан провинции, заранее обреченных на верную смерть. Но если армяне Тавра исчезнут после последнего усилия, перестанет ли от этого существовать христианское население во всей империи? И, устав, наконец, от жестокого ига, беззащитные перед периодически повторяющимися погромами, не потребуют ли христиане с еще большей настойчивостью покровительства западных держав? Поймет ли сам султан всю пагубность продолжающейся системы слепого насилия и если не поймет, то сможет ли он героическим усилием помешать распаду этой обширной империи?

Может быть, именно его министр, лорд Пальмерстон, сумеет отразить удары, сила которых растет с каждым днем ввиду слабости власти? Вот некоторые вопросы, которые ставят недавние события в Тавре, и даже те, кто хотел бы мирного разрешения восточных проблем, задаются вопросом, не придется ли вскоре применить к Турции слова Иезекииля: «Кровью, которую ты пролила, ты сделала себя виновной... осквернила себя и приблизила дни свои и достигла години своей. За это отдам тебя на посмешище народам, на поругание всем землям». (Иезекииль 22:4).

է. Ռ. ՂՈՒԿԱՍՅԱՆ.— Վ. Լանգլուայի «Թուրքիայի հայերը և ջարդը Տավրոսում» հոդվածը.— XIX դ. ֆրանսիացի ականավոր հայագետ Վիկտոր Լանգլուան իր աշխատություններով մեծապես խթանեց եվրոպական հայագիտության զարգացմանը: Սակայն գիտնականի հետաքրքրությունների շրջանակը չէր սահմանափակվում Հայաստանի պատմական անցյալով, նրա հարուստ մշակույթով: Լինելով ճնշված ժողովուրդների եռանդուն պաշտպանը՝ Լանգլուան ակտիվորեն արձագանքում էր հայ ժողովրդի ճակատագրի բոլոր ողբերգական իրադարձություններին: 1863 թվին, վրդովված Տավրոսում թուրքական կառավարության կողմից հրահրած արյունոտ ջարդերով, «Ռեյլու դե Դեմոնդ ֆրանսիական հանդեսում Լանգլուան հրապարակում է ընդարձակ հոդված, որի ուսերեն թարգմանությունը, որոշ կրճատումներով, ներկայացնում ենք ընթերցողին՝ հաշվի անելով ոչ միայն զուտ պատմական արժեքը, այլև նրա այժմեականությունը: